

Литературная Страница

В СТОРОЖКЕ

Рассказ

Скупым светом поливает землю луна. Она перовнад, словно кто в горне выкатывал диски, да не довел дело до конца. Воздух сух и ядрен, как ключевая вода. По-осеннему мелкие звезды вздрагивают, будто бы от первого легкого холодка.

Сторож Борис Сергеевич выходит из дощатой избушки и шуршит на луну, на звезды, на тускло-лимонный горизонт, вздыхает, — до зимы немного осталось, — обходит медленно свое хозяйство. А хозяйство у старика бесценное. Под крышами навалены огромные вероха зерна. Урожай нынче выдался на славу. Государству продали два с половиной плана и еще вполне можно один сдать. Гвоздь весь в машинах. На уборочную их из городской автобазы прислали 35, а теперь только свои и ходят. Зерна еще много, очень много. Ранее, бывало, на трудодни сколько его уходило. Теперь, поди ты, дожили, деньгами кажен месяц получают. Оно, конечно, вроде облегчение громадное, а вот сердце стариковское тоскует по минувшим деревенским обычаям. Рушатся русские печки, — негде и кости попарить, и хлеб из города привозят, опять женщинам поблажка — разучатся печь настоящие круглые караваи. Сам Борис Сергеевич еще хозяин в доме и держит всех в черном теле. Он купил и стиралку женщина, но вот хлеб до сего времени заставляет печь в русской печи. И в баню ходит только в свою. В казенной и попариться как следует не попариться. А он знает в этом толк. Веник важет только

после покровы — иначе и не проймет, хоть до крови себя иследишь.

Так всякую ночь рассуждает Борис Сергеевич. Отчасти это от скуки, а отчасти, чтобы не заснуть на боевом посту.

А еще с недавнего времени он стал думать о свадьбе. К самой младшей, Елене, посватался на прошлой неделе шофер Витяка Серебров. Парень видный из себя, знает свое дело. Но водится за ним слабость: попивает в выходные. Да как сказать: дело холостое, хочется поозоровать, силу показать. Оно бы в клуб музыку порадочную, к примеру, духовой оркестр — ну, другое дело. Посадить бы его вечером за самую, что ни на есть, огромную трубу и пусть дует. Сколько бы молодежи занято было по вечерам! А Ленке выходить надо. Засиделась в девках. А то молодость — заявляет, и тогда митькой звали ту самую любовь. А сколько же времени? Никак к полудню склонилось. Должны бы машины из города возвращаться. Собирались по второму рейсу сделать до рассвету, а вот нет...

Старик уходит в сторожку, присаживается на свой шаткий топчан и достает кисет. Сворачивает пгарку и дымит в тихой полудремотной тишине. Странно устроен человек. Поверности не мого и полночи просидеть, спать клопнло, а теперь вот ничего, бодрствует.

Заурчала машина. Старик хотел подняться, но по скрипу определил, что приехавший сам расчищает ворота.

В крохотную дверь втиснулся

Серебров. На правах будущего зятя он называл старика папашей.

— Рай тут, к тому ж неземной, у тебя, папаша! А? — осклабился Серебров, показав ровные чистые зубы. — Под третьим планком скоро черту подведем, папаша. Здрово, а? А сколь его еще, а?

— Удба нынче дюжне, — Борис Сергеевич посмотрел на будущего зятя, удивляясь его разговорчивости.

— Вот я и говорю, богато. Да ладно, под портузник подгонюсь. Вскоре Серебров снова вернулся. Старик достал пакетик китанций и стал прикладывать между двух листов прямоугольник копировки.

— Папаша, у меня друг надежный есть в городе, а? Может что сообразим?

— Это в каком смысле? На посту не употребляю, сынок. И тебе не занеша этим баловаться. Ну, когда в случае...

— Папаша, я не о том, — перебил старика Серебров и от досады, что тот не понимает, махнул рукой. — Подарок хочется моей Ленке сделать, такой, чтобы в оборок впала, а? В оборок от радости...

— Эт с чего бы? — полорительно спросил Борис Сергеевич, снизу вверх поглядывая на будущего зятя. От тяжелого предчувствия сердце его захолонуло и по рукам пробежал мелкий озноб. А в голове тем временем: «Вроде трезв. На испытку меня, что ли? Не так может в мою дурью голову входить его слова?»

— Друг, папаша, у меня в городе. Что ни на есть верный.

Обещал устроить. А ты, того... — Серебров показал пальцем на книжку китанций и сделал движение, что означало, поставь крест и делу копей. Много ли на это времени надо.

— Эт кого? Разреши поспинить.

— Папаша, давайте без эмоций. Мы ж, как ни говори, без четырех минут родственник... Вот к свадьбе, папаша, подарок, значит... От нас с тобой, от двоих. Столбик от радости.

— Это без китанций, значит, тебя отравить?

— Верно, папаша, все шитокрыто. На меня ложись. Комар неса не подточит. Друг там...

— И проходило у тебя? — с дрожью в голосе спросил старик. Бровь под левым глазом задергалась. Тик у него бывал, когда находила злоба или волнение.

— Не о том речь. Мы Ленке подарок...

— А, подарок! — взврев наконец старик, — подарок краденый? Моей дочери? Да... Да, как ты-ы... Т-ты... Убирайся, уб...

— Папаша, да я ж породственному... Ну, того, не хочешь, не хочешь шуток понимать? А?

— Уходи... Ухо-о-о-о... Машину не тронь!

— Ладно, пиши китанцию...

— Вон! Вон, говорю.

Старик поднялся с топчана и весь вострошенный, что воробей перед дракой, стал наступать на шопера. Тот быстро выскочил за дверь, сильно его хлопнув. Борис Сергеевич опустился на топчан и закрыл ладонью лицо. Он о чем-то долго и тяжело размышлял. И на душе было как в глубокого похмелья.

П. ШМАНОВ.

ЛЕНИНГРАД. Скоро в экспозиции Эрмитажа появятся 26-я по счету картина Рембрандта — «Поклошение волхвов», поступившая в музей в 1923 году. Эта картина считалась копией с оригинала, хранящегося в Гетсберге (Швеция). Научный сотрудник Эрмитажа Ирина Линник, специально изучавшая амстердамский холст, убедилась, что это бесспорный Рембрандт. В нижней части полотна четко видна характерная полость великого голландца.

НА СНИМКЕ: научный сотрудник Ирина Линник с картиной Рембрандта «Поклошение волхвов».

Фотохроника ТАСС.

НА ПОЭТИЧЕСКОЙ ВОЛНЕ

Н ПИСКАЕВ.

Б. Кузнецов

СТИХИ
МЕСТ-
НЫХ
ПОЭТОВ

Эх люди, люди...

Последний клен
Срубил какой-то дьявол
И на дрова.
Должно быть, уволок...
А я-то думал:
Здесь шумит дубрава,
Преображая этот уголок.
Грибы на зорьке,
Думал, вырастают,
На всю дубраву
Соловьи поют...
А мне о ней
Лишь пни напоминают,
В которых бойко
Муравьи шнуют.
На солццеке
Лебеда круами,
Рейник густо
Заселил овраг,
Потрескивают сушь под ногами.
Эх люди, люди,
Разве можно так...

Никогда я
Не бывал в Париже.
И уж видно
Человек такой
Тянет сердце
В городок поближе.
И —
В деревню,
К матери
Домой!
Лишь в кино
Видел, как плешет море,
Но судьбу
Ни капли не виню —
Я люблю
На теплых летних зорях
Улочку забрасывать
В Ино.
И минут дружок
Не знаю слаще.
Пусть в селе
Гоплают петухи,
Буду снова
В вняжковой чаше
Звонкие загадывать стихи

БРАКОНЬЕР

Браконьеру — кривая дорожка,
Темной ночью, в мороз и грозу,
Рысь — зверюга, пятнистая кошка,
Раз к ногам пригнала мне козу.
Словно капельки солнца осеннего
В ее шерсти блестяла роса,
И молила меня о спасении
Человечьи большие глаза.
Прислонилась ко мне всею массой,
Той звериной упругостью всей,
Килограммы душистого мяса
И супы из пахучих костей.
Вот тогда я смутился немножко
Засвербило по-детски в носу,
И убила я спирею кошку —
Но сначала зарезал козу.